

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ ¹⁾).

29.

•Апрѣля 1. 1813.

Новостей никакихъ не знаю, кромѣ газетныхъ. Здѣсь прилагаю любопытнѣйшимъ статьямъ копію ²⁾ изъ берлинскихъ. Такъ какъ прокламаціи скорѣй можно списывать, нежели переводить, то для нихъ и прочія извѣстія сообщая на нѣмецкомъ языкѣ, что впрочемъ для Васъ все одно, а для меня въ моемъ положеніи и при моихъ занятіяхъ легче, ибо путаюсь въ языкахъ, коль скоро разными долженъ въ одно время самъ писать. У меня на сихъ дняхъ прибавилось еще работы. Я договорился переводить съ издателемъ „Инвалида“ новости изъ иностранныхъ газетъ. Завтра въ первый разъ появятся мои статьи. Таковое занятіе не оторветъ меня однако жъ отъ переписки съ Вами. Я напротивъ того буду имѣть нужду въ Васъ, и просить о доставленіи мнѣ извѣстій московскихъ. На столицу сію обращено теперь вниманіе цѣлаго свѣта. Кто лучше Васъ можетъ изображать мнѣ чародѣйственное воскресеніе изъ пепла!

Пожалуйте не откажитесь въ досужее время въ короткихъ строкахъ давать мнѣ понятіе о быстромъ и безпримѣрномъ изглаженіи слѣдовъ разоренія ея.

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

²⁾ Копія при письмѣ не оказалось.

30.

Апрѣля 4. 1813.

Меня — просидѣвшаго насквозь всю ночь за переводами манифеста Лудовика XVIII, Смоленскаго деклараціи, геройскихъ нашихъ прокламацій и свѣжихъ новостей для нашего „Инвалида“ — колышетъ лихорадка.

Завтра выйдетъ мой первый полный № „Инвалида“. Cela s'entend que Vous devez en recevoir un exemplaire honoraire. Съ будущаго вторника будете его встрѣчать вмѣстѣ съ Консерватеромъ. Посмотрите, достоинъ ли онъ рекомендаціи вашей. Въ томъ совершенно на Васъ полагаюсь. Теперь пахнетъ еще онъ моею болѣзнію, но когда расшевелюсь, то, право, употреблю всѣ усилія угодить русской публикѣ, не читающей иностранныхъ газетъ или писанныхъ по крайней мѣрѣ на чужомъ языкѣ. — Опять замолелся о себѣ. Перестану, право перестану. — Вотъ Вамъ отъ одного друга моего любопытное письмо¹⁾. Прочтя, возвратите.

Противъ газетныхъ извѣстій лишняго не знаю. Довольно и ихъ. Que pensez Vous de la déclaration de Louis XVIII? Ну! ежели французы и теперь не удушатъ изверга, такъ они всѣ изверги! По Сенькѣ шапка. Aber man muss sie dann ausrotten, es koste noch so viel Blut, als es schon gekostet hat. Vous voyez, que je m'enporte. Tant mieux! И я русскую нагайку хочу взять въ руки. Посмотрю, какъ-то цензора газетнаго гражданскій будетъ цензировать.

31.

Апрѣля 8. 1813.

Христось Воскресе! Милый Александръ Яковлевичъ. Вотъ Вамъ вмѣсто яйца сочиненіе г-жи Сталь, а кстатѣ пусть прихвостничаетъ и мой 14-й № „Инвалида“.

Я еще не открытъ совсѣмъ, какъ пруссаки въ засыпанномъ подземельѣ. Lesen sie, was Kotzebue darüber geschrieben hat? Одинъ токмо листокъ получилъ почтдиректоръ изъ Кенигсберга. Что успѣлъ лучшаго изъ него выхватилъ дрожащею рукою для нашего журнала, то при семъ посылаю. Переводъ увидите въ будущемъ №.

¹⁾ Письма не оказалось.

Поздравляю съ новыми успѣхами нашего оружія, которые найдете возвѣщенными въ Консерватерѣ.

Говорили за нѣсколько дней, что австрійскій императоръ желалъ съ нашимъ Государемъ видѣться, и дѣло остановилось токмо за назначеніемъ мѣста, но теперь новые слухи, совсѣмъ противныя. По частнымъ письмамъ изъ Пруссіи наша гл. квартира тронулась изъ Калиша въ Дрезденъ. Думаютъ, что Государь изволить въ семь городѣ пробывать Святую недѣлю, а тамъ съ арміею опять двинется впередъ.

32.

Апрѣля 12. 1813.

Хочу по тяжелой скорѣй доставить любезнѣйшему Александру Яковлевичу извѣстіе о побѣдѣ надъ вице-королемъ. Оно напечатано въ моей газетѣ, которую прилагаю. Сей номеръ составлялъ вчерась въ пароксизмахъ, держалъ ночью корректуру, въ нихъ же, испытывалъ тѣму шиканствъ въ нихъ же, не могу вытащиться объясниться съ министромъ просвѣщенія за ними же, сѣлъ на праздники безъ копейки отъ нихъ же: ибо ни къ кому не успѣлъ кинуться перехватить сколько-нибудь на кровныя нужды или сходить въ ломбардъ заложить какую-нибудь вещь. Дано цензурѣ (гражд.) предложеніе министромъ просвѣщенія, чтобъ прежде „Сына Отечества“ не выпускать новостей въ „Инвалидѣ“. Только-что я присталъ къ издателю онаго, такъ и гоненія мерзкихъ людей начались. Имъ хочется, чтобъ я издохъ съ голоду. Это все мартинисты, которымъ я давно не нравлюсь.

Теперь-то болѣе и надѣюсь на праведное Провидѣніе, что оно меня хоть для отмщенія адскимъ крамольникамъ поставитъ на ноги. Имѣю сію слабость, что считаю себя орудіемъ Его для блага Россіи. Но я брежу—Вамъ непріятно будетъ читать возмущенія моихъ чувствъ. Прервемъ и обратимся къ другому.

Знаете ли, что Хитровъ уже здѣсь? Ну! ужъ сыплеть же онъ о Сперанскомъ и Магницкомъ, которые его невинно обнесли. Теперь я не въ состояніи всего Вамъ передать. До другого случая отлагаю. Онъ формируетъ гусарскій полкъ и съ нимъ отправится въ Германію.

Въ Вильнѣ смиряѣе стали поляки. 1-го апрѣля разстрѣляли тамъ двухъ мужиковъ, зарѣзавшихъ гвардейца. Это сдѣлало сильное впечатлѣніе на дикіе замыслы.

Увѣряютъ, что къ Государю писалъ Бонапарте предпочтительно мирное предложеніе чрезъ Коленкура. Отвѣтъ былъ на словахъ

послу: „На Рейнѣ вступимъ въ переговоры съ франц. правительствомъ“. Не ручаюсь за достовѣрность, но слышанное токмо передаю моему безцѣнному Александру Яковлевичу.

33.

Апрѣля 15. 1813 г.

Alles, alles hat der immerleidende Odenthal erhalten. И посланіе, а карикатуры и приложенія. За первыя благодарю, а о послѣднихъ доношу, что они всѣ тотчасъ разосланы по своимъ мѣстамъ. Долженъ—дабы въ продолженіе письма не забыть съ худою памятью—тотчасъ сказать, что вмѣсто 8-ми только 7 штукъ карикатуръ, и недостаетъ французской артиллеріи одного экземпляра. Надѣюсь, что пополненіе послѣдуетъ. Карикатуры очень хороши, потому что никакихъ толкованій дѣлать на нихъ не должно. Взглянешь и живо видишь состояніе непобѣдимой арміи во время ея правильнаго отступленія. И здѣсь теперь вышли прекрасныя въ англійскомъ вкусѣ, слѣдовательно, для простаго нашего народа не такъ-то вразумительны. Я бы выслалъ Вамъ ихъ вмѣсто требуемаго экземпляра „Инвалида“, но у Васъ уже есть имъ поставщикъ.—Объ Ambigu прилагаю единомысленный отвѣтъ.—Не хотите ли, чтобъ я вмѣсто него взялъ на Вашу долю Russisch-deutsches Volksblatt von Kotzebue и Вамъ его доставлялъ?

Образчикъ ему Вы уже имѣете. Но я въ усердіи моемъ все Вамъ предлагаю, а тѣмъ, можетъ быть, и надѣдаю. Это дѣлаю однако жъ потому, что какъ я ни тупъ, однако жъ знаю Вашъ вкусъ къ остротамъ: тутъ найдете ихъ столько, что некуда будетъ и плюнуть не на остроту.

Этимъ ужъ себя не компрометируетъ Коцебу: ибо онъ весь взмѣшанъ остротами (Je ne sais si j'ai bien rendu dans mes accès de fièvre le mot pétri). Не находите только ошибокъ грубыхъ съ 14-го № включительно въ „Инвалидѣ“, а то считаю на Ваше снисхожденіе въ моихъ конфузныхъ посланіяхъ, коихъ не имѣю времени писать иначе, какъ предаваясь во власть моихъ чувствованій. Минуты сіи, гдѣ я для утѣшенія себя бесѣдую съ Вами, да не отравятся Коцебувскими остротами!

Вы говѣли, когда пустили ко мнѣ посланіе 7-го апрѣля. Вѣрно не сдали того грѣха поцу, который въ немъ, можетъ быть, неумышленно со мною сотворили. Не понявъ меня (да меня и понять трудно), Вы сочли меня компрометтированнымъ въ „Инвалидѣ“. Я присталъ только 1-го апрѣля къ издателю его, слѣдова-

тельно ни въ худомъ, ни въ хорошемъ смыслѣ не могъ еще себя ни предъ Вами, ни предъ графомъ компрометтировать.—На что жъ мнѣ Васъ подписывать на мой журналъ: Вы его будете получать отъ меня приношеніемъ. Деньги же за подписку и назначаемаы инвалидамъ слѣдуютъ не мнѣ. Прикажите: такъ я отдамъ остальные Ваши, у меня хранящіяся въ пользу увѣчныхъ защитниковъ отечества, и имя Ваше выставится въ числѣ благотворителей.—Журналъ сей взялся я поставить на ноги (и какъ бы тамъ ни говорили остряки или отъ невоздержанности или по какимъ-нибудь личнымъ видамъ)—я его поставлю, лишь бы только не лопнулъ совсѣмъ. Какъ у насъ, къ несчастью, до сихъ поръ ничего безъ покровительства не успѣваешь, то и его найду въ тѣхъ, которые еще вовсе не сдѣлались безсовѣстными. Да я же буду сообщать извѣстія съ пылу: неужели и это не заохотитъ подписчиковъ? Не вся же Россія узнаетъ, что я составляю газету сію, не всѣ же меня въ ней ненавидятъ, потому что я не имѣю русскаго прозвища. Не всѣ же въ ней мартинисты! Не всѣмъ же я бѣльмо на глазу—и несчастный человѣкъ, защищающійся до послѣдней невозможности противъ скаредныхъ нападокъ. Меня кидаетъ въ потъ! Мнѣ нужно успокоиться, а я еще больше себя тревожу, объясняясь съ Вами—и кто знаетъ, на какой конецъ? Пошелъ прямо—расшибу лобъ—нѣтъ нужды! Это ужъ будетъ опредѣленная участь. Лучше отъ ошибку прекратить жизнь, нежели отъ мучительнаго голода. Побудьте-ка часочекъ на моемъ мѣстѣ, любезнѣйшій Ал. Як., посмотрѣлъ бы я, что бы Вы заговорили? Но этого съ Вами, надѣюсь и утѣшаюсь, никогда не случится. Наслаждайтесь самою блаженною участію, но не обижайте безъ всякой причины несчастныхъ. *On les respecte.*

Тфу, батюшки! что со мною дѣлается? Почти впадаю въ обморокъ.—Почта отходитъ. Хочу Вамъ сообщить какія-нибудь новости. Сегодня молебствіе въ Казанскомъ соборѣ въ присутствіи Императрицы за Дрезденъ, Гамбургъ, Любекъ, Люксбургъ, Ченстоховъ. Австрійцы дали слово остаться нейтральными. Государь изволить писать, что онъ очень доволенъ Имп. Францомъ. Реляція о побѣдѣ надъ вице-королемъ получена официальная.

Обнимаю Васъ. Вашъ Консерватеръ.

34.

Апрѣля 23.

Отправляюсь въ армію къ гр. Витгенштейну. Тамъ или прекращу съ честію бѣдственное мое существованіе, или съ славою и правленнымъ здоровьемъ возвращусь къ моему семейству. Здѣсь

мнѣ, послѣ всего встрѣтившагося, никакъ оставаться не можно. Я долженъ искать разсѣянія въ бранномъ полѣ противъ изверга Наполеона, иначе я чувствую, что я совсѣмъ помѣшаюсь, ибо и теперь стою съ разслабленными нервами на точкѣ сумасшествія. Всего Вамъ описать теперь некогда и не въ состояніи.

Вѣрьте токмо, что мнѣ дѣлать ничего другого не остается. Это еще одно средство спасти себя, ежели спасти еще себя не опоздалъ. Вотъ, при семъ случаѣ, какая до Васъ предварительная просьба (ибо еще нѣсколько разъ писать къ Вамъ буду). Дѣлайте однако жъ по движенію Вашего сердца, и по тому внутреннему убѣжденію, которымъ я могу токмо покушаться на настоящую просьбу. Трощинскому, графу Ѡ. В., Архарову Ив. Петр. и Вамъ поручаю въ случаѣ смерти моей милыхъ дѣтей моихъ. Когда Вы ихъ увидите, то сами удостовѣритесь, что они достойны всякаго со стороны Вашей благодѣянія. Не дѣлайте однако жъ ничего изъ милости, а по тому убѣжденію (еще повторяю), стоитъ ли того отецъ ихъ и стоятъ ли того и дѣти?—Засимъ не столь важная добука. Я родился въ Москвѣ у Меншиковой башни, въ домѣ Андреяна Ивановича Татаринова. Пошлите туда хоть къ воротамъ взять чистой земли, попросите почтенную супругу Вашу, чтобъ она сшила ладонку, а графа, чтобъ онъ въ нее насыпалъ землю, зашейте ладонку, пошлите ее освятить къ Михаилу Архангелу (что называется Меншиковою башнею) и доставьте мнѣ то, съ чѣмъ хочу положенъ быть въ землю. Мысль сія подана мнѣ письмомъ казака къ Платову, въ „Сынѣ Отечества“ помѣщенномъ: она меня утѣшаетъ и еще больше утѣшитъ въ послѣднюю минуту, когда схвачу ее руками на чужой сторонѣ. Въ Майнцѣ родился отецъ мой, умеръ въ Москвѣ. Кто вѣдаетъ? Можетъ быть, мнѣ придется умереть на его родинѣ, такъ какъ онъ на моей кончилъ жизнь. Мы поквитаемся; но я буду имѣть то преимущество, что умру съ землею московскою. Пожалуйте! не откажите мнѣ въ сей просьбѣ и выполните ее въ точности. При томъ прошу графа, чтобъ онъ чрезъ Васъ выслалъ дѣтямъ моимъ портретъ свой! Я оставляю къ нему надпись.—Матеріалы, которые Вы мнѣ обѣщали о Москвѣ, вышлите; да прошу и впредь редактора онаго имѣть въ своемъ попеченіи. Онъ дѣтина добрый! Узнавши на то Вашу волю, дамъ Вамъ знать, чрезъ кого Вы можете по временамъ и ему дѣлать пособіе Вашими свѣдѣніями. Я, ежели Богъ допуститъ, буду его поддерживать извѣстіями изъ арміи, Васъ же предпочтительно съ прочими моими благотворителями и друзьями не оставляю безъ оныхъ.—Лишь бы только нѣсколько подкрѣпиться и разсѣять убивающія меня мысли, то перо мое пойдетъ пороть, какъ за десять лѣтъ отчесывалъ до

женитьбы. Мой „Инвалидъ“, инвалидомъ, собирающимся на службу, составляемый, печатается и едва выйдетъ черезъ 3 часа. Онъ важнѣе извѣстій противу письма Гласки ¹⁾, у сего посылаемаго, не заключаетъ. Виноватъ! лишнее то, что датчане уже дали намъ 10 т. вспомогательнаго войска. Но и это Вы могли уже видѣть изъ высланнаго къ Вамъ копенгагенскаго письма отъ 2-го апрѣля. Я хочу ѣхать до Гамбурга на корабль. Тѣмъ, можетъ быть, первоначально поправлю и здоровье мое. Распоряженія къ отъѣзду и раздѣлка съ должностью и прочими обязательствами займутъ меня еще добрый мѣсяць.

35.

Апрѣля 25. 1813.

Какъ преданнѣйшій Вамъ слуга, послалъ я тотчасъ по полученіи приложеній отъ 17 текущаго, къ кому они слѣдовали, съ двумя почтальонами. Съ благодарностью возвращаю у сего 3 № *tomus*. *Le redacteur y a tiré tout le parti possible du jeu des mots sans le tirer par les cheveux.* Мнѣ такое чтеніе было лѣкарствомъ, ибо всѣ заключающіяся въ немъ остроты не упали на меня, какъ иронія веселаго моего Александра Яковлевича въ его краткомъ посланіи. Пожалуй, забавляйтесь, давая мнѣ никогда не входившіе въ мою слабую башку замыслы. Когда подкрѣплю мои нервы, то и голова придетъ въ свою тарелку. А все то, что Вы въ меня цускаете, ни въ больномъ, ни въ здоровомъ положеніи попадать въ цѣль не будетъ. Хоть это и сахарный горохъ, но онъ также, какъ и простой, будетъ отскакивать отъ стѣны. На Васъ самихъ ссылаюсь: заслужилъ ли я такія нападки? Впрочемъ, всякъ видитъ вещи и людей съ своей стороны. Я могу только Васъ увѣрить, что я Васъ признавалъ всегда умницею, въ продолженіе нашей переписки получалъ съ каждою Вашою грамоткою новыя тому доказательства, научился почитать Васъ въ томъ, въ чемъ Вы всякое уваженіе заслуживаете, и хотя-бъ Вы меня безъ всякой причины разлюбили, я однакожь до смерти любить Васъ не перестану, хотя-бъ Вы на меня наплевали. Хотя-бъ Вы вмѣсто земли прислали мнѣ позему съ московскихъ улицъ или въ сердечныхъ моихъ требованіяхъ послѣдняго моего письма вовсе отказали. Словомъ, дѣлайте, что хотите, *je resterai fidèle aux sentimens d'affection, que je vous avais voués jusqu'au tombeau!* Я теперь занятъ совершенно достиженіемъ моей цѣли. Движеніемъ, благорастворен-

¹⁾ Письма Гласки при этомъ письмѣ не оказалось.

нѣйшимъ климатомъ, разсѣянностію среди военнаго шума хочу или поправить мое здоровье, или скорѣе кончить мучительное, ужасное мое существованіе, жесточайшею ипохондріею отягченное и отъ сидячей жизни приходящее каждый день еще въ худшее состояніе. Не забудьте при томъ и стеченіе всѣхъ лютейшихъ для меня обстоятельствъ. Много мнѣ хлопотъ, и тѣмъ болѣе, что почти долженъ при слабой памяти всякую вещь нотировать на бумагѣ. Въ мысляхъ моихъ отъ истощенія силъ среди непрерывной работы нѣтъ никакой связи. Боюсь, кромѣ переводовъ, чѣмъ-нибудь заниматься, ибо самъ себѣ ни въ чемъ не довѣряю, такъ ли все дѣлаю безъ посторонняго руководства. Я, какъ видите, не ослѣпленъ. Все очень чувствую и тѣмъ болѣе мучаюсь. На Бога одного надежда! Попаду на корабль, такъ почувствую, можетъ быть, подкрѣпленіе съ той же минуты, или лопну. *J'ai tout écrit aujourd'hui pour faire mes adieux à mes correspondens que je ne sais pas ce que ma faiblesse a permis de vous harbouiller.* Не взыщите на преданномъ Вамъ человѣкѣ.

36.

Апрѣля 29. 1813 г.

Извѣщая Васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, о полученіи откровеннаго посланія Вашего отъ 21-го текущаго, ничего болѣе не скажу Вамъ теперь въ моемъ ослабленіи, какъ то, что я кромѣ добраго ничего въ Васъ видѣть не могу и не хочу. У меня вертится голова отъ посѣщеній. Въ сію минуту трое насѣли мнѣ на шею, чтобъ уговаривать меня отъ вояжа. Я попросилъ ихъ дать мнѣ нѣсколько времени отправить къ другу моему почту. Приложенія къ Ивану Алексѣевичу, Тургеневу и Кроку вчерась же тотчасъ по полученіи отправлены съ нарочными. Гласково письмо первое съ карриатурою тутъ же нашель. Благодарю какъ за аккуратность, такъ и за подарокъ. Вы не повѣрите, какія благодарности я самъ получаю за эти карриатуры и за всѣ интересныя бумаги, которыми Вы меня надѣляете. Бога ради, покаместъ еще я не дамъ Вамъ знать, что я уже совсѣмъ готовъ къ отплытію въ Гамбургъ, не лишайте меня таковыхъ наградъ, буде оныя у Васъ случатся. Вашей книги ожидаю съ послѣднимъ нетерпѣніемъ. Вышлите ужъ и на долю Троицкаго и виленскаго моего корреспондента. Коли хотите, такъ поручите мнѣ и распродажу. Я имѣю на то всѣ каналы чрезъ почтъ-директоровъ и почтмейстеровъ. Есть у меня дюжины двѣ этого люда въ числѣ моихъ знакомыхъ, коимъ я самъ служу, чѣмъ смогу. Разумѣется, что Вамъ служить въ томъ могу

въ Западной Россіи, которая за Петербургомъ, ибо въ другія стороны удобнѣе Вамъ будетъ употребить Рунича. Въ Малороссіи однако жъ чрезъ кіевскаго и полтавскаго почтмейстеровъ я Вамъ надѣюсь угодить болѣе другихъ комиссіонеровъ Вашихъ. Тамъ же и мой Дмитрій Прокофьевичъ, который любитъ дѣтьми Якова Ивановича. Dernièrement il m'a écrit encore sur votre compte. Хоть бы отъ отца родного Вамъ привелось то слышать, что сей почтенный мужъ произнесъ по прочтеніи Вашихъ замѣчаній на извѣстную прокламацію. Я для него ихъ перевелъ прежде Васъ. Да! Здѣсь вспоминаю о „Русскомъ Вѣстникѣ“. Онъ нуженъ для моего сотрудника. Вы мнѣ его предлагали. Прошу приказать его высылать на мое имя. При доставленіи Вамъ *Wolks-Blatt* мы съ Вами разочтемся. Мы его еще не получали, и не знаемъ, что онъ стоитъ. Приѣхавшій изъ Берлина мой знакомый привезъ мнѣ дополнительный къ нему листъ. Я Вамъ его посылаю только съ тѣмъ, чтобъ Вы мнѣ его возвратили скорѣе. Онъ мнѣ нуженъ для моей газеты. Завтра получите переводъ мой въ „Инвалидѣ“ разговора Бубны съ извергомъ. Ужъ я успѣлъ его изъ сего листка выхватить.

Я могу для Васъ выписать и *Ambigu*. (Наша экспедиція ничего не знаетъ). Но онъ страшно дорогъ, и едва-ли не обойдется въ 200 р.

На сихъ дняхъ принесутъ мнѣ подлинную выправку о цѣнѣ отъ англійскаго секретаря, и я Васъ непременно о ней ту же минуту увѣдомлю. Впрочемъ, Вы лучше будете находить изъ *Ambigu* въ дополнительныхъ листахъ къ *Volksblatt*-у, которые я такъ же по полученіи газеты экспедиціею для Васъ возьму. *Les premiers exemplaires sont déjà destinés pour plusieurs de mes connaissances, qui se trouvent déjà notées sur le registre de l'expédition de gazettes.* Изъ этихъ-то экземпляровъ я предпочтительно одинъ пошлю Вамъ. Вотъ Вамъ и требуемые № *Conservateur*'а для кн. Долгорукова. — Здѣсь найдете и выписку изъ Кутузова письма. Посѣтители настоящіе мнѣ ее теперь принесли, и я спѣшилъ для Васъ ее переписать. Говорятъ, что наша главная армія еще на Святой форсированными маршами двинулась изъ Дрездена впередъ и нанесетъ неожиданный гдѣ-то ударъ. Мы приготовлены здѣсь къ такимъ событіямъ около Эрфурта, которыя должны удивить вселенную и покрыть безсмертіемъ Кутузова. *C'est ainsi qu'on gerand à présent des bruits avant les événemens.* И это все берется отъ бабъ. — Слышу (послѣ разныхъ варіантовъ), что Австрія даетъ намъ будто бы 100 тысячъ вспомогательнаго войска. Чего ужъ объ этой Австріи не говорили! Но теперь дѣйствительно то, что она противъ насъ по крайней мѣрѣ не пойдетъ.

Выписка изъ письма его свѣтлости князя Кутузова-Смоленскаго къ его супругѣ:

„Сего дня я много думалъ о Бонапартѣ, и вотъ что мнѣ показалось: — Si on veut prendre le peine de bien juger la conduite continuelle de Bonaparte on peut se persuader jusqu'à l'évidence; qu'il n'a jamais su ou n'a jamais pensé à enchaîner la fortune; au contraire cette femme capricieuse voyant une production si singulière que cet homme: un melange de tant de vices, un melange de tant de monstruosités, que par pur caprice elle s'en est emparé et l'a mené comme un enfant à la lisière: mais voyant après beaucoup d'années et son ingratitude et la manière dont il abusait de sa protection, elle l'a laissé là, en disant: „fi! le vilain: voilà un vieillard, poursuivait-elle, qui a toujours adoré mon sexe, qui l'idolâtre encore; et qui n'a jamais été ingrat envers lui, il a toujours aimé à être conduit par une femme. Pour me délasser de toutes les horreurs auxquelles je participe, je m'en vais lui donner le bras, pour quelque temps, au moins“.

37.

30 апрѣля.

Вообразите, что между Швеціею и Даніею открывається война за Норвегію. Это уже въ газетахъ, которыя получены ночью.

Наполеонъ въ Эрфуртѣ.—Я бы многое что помѣстилъ изъ свѣжихъ газетъ, но мой министръ запретилъ мнѣ прежде двухъ дней послѣ полученія иностранныхъ газетъ помѣщать изъ нихъ новости въ моемъ „Инвалидѣ“. Я Вамъ пришлю копію съ его предложенія, даннаго почтдиректору вчерашнимъ вечеромъ.

Sind das nicht Dinge aus der andere schlechtere Welt, wo die Teufel wohnen? Да что они меня жужать на послѣдяхъ. Je me retire pour avoir du repos au moins du côté des persécutions les plus criantes pour un honnête homme.

Некогда. Пишу къ Дм. Пр—чу, да и то какъ попало. Все во мнѣ сдвинулось съ мѣста. Поскорѣй! поскорѣй надобно удалиться!

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

